

Меня зовут Сун Бай Сюй. И я мертв.

...

Вы спросите, откуда мне это известно? Ну, какой живой человек станет не ходить, а парить над землей? Да еще и тени под солнечными лучами не отбрасывать?

Впрочем, призраки солнца не боятся. Не знаю, откуда взялись эти слухи, будто духи не могут появляться при дневном свете.

— Ты не думал о том, что ты вовсе не призрак? — человек, сказавший это, перевернул страницу книги. Бриллиант на его безымянном пальце так ярко сверкнул на солнце, что у меня заболели глаза.

— Если не призрак, то кто же? — я подлетел ближе и опустил ему на плечо. — Твой личный демон-хранитель?

А-Янь спросил, есть ли разница.

— Конечно. Под демонами обычно подразумевают что-то злобное, а ты видел когда-нибудь такого доброго духа, как я? — я тихо хмыкнул. — Я — хороший призрак.

А-Янь промолчал.

Я заметил, что он стал еще бледнее, чем прежде. На его лице и так никогда не было румянца — болезненный, изнуренный вид, сразу понятно, что здоровье никуда не годится. Но сейчас его кожа казалась почти прозрачной, такой хрупкой на солнце, словно она могла рассыпаться от одного прикосновения.

Я поспешно отстранился и в замешательстве извинился:

— Прости, я забыл, что тебе нельзя касаться людей... То есть, подожди, я же призрак! Ты ведь не должен меня чувствовать?

Мои слова, кажется, его позабавили. Уголки его губ едва заметно дрогнули в слабой улыбке, а внешние уголки глаз чуть приподнялись. Это была какая-то неопишуемая, пронзительная красота.

Он сказал, что дело не во мне — его просто мутит.

За те дни, что я провел рядом с А-Янем, я видел его улыбку лишь второй раз. После смерти восприятие времени стало размытым. Мне кажется, прошла уже целая вечность.

Но я отчетливо помню день, когда очнулся.

Это была пышная, шумная церемония помолвки. Среди кружащихся лент и конфетти мужчина, опустившись на одно колено, надел кольцо на безымянный палец юноши. Тот ответил: «Я согласен», но его слова прозвучали для меня странно. В них не было ни капли чувств, ни тени той радости или волнения, которые обычно сопровождают предложение руки и сердца.

Надев кольцо, он улыбнулся, но эта улыбка выглядела механической, безжизненной.

Я стоял за спиной мужчины и, сам не зная почему, в какой-то момент отчаянно захотел столкнуть его с крыши этого небоскреба.

Но я не мог. Как призрак может коснуться живого человека?

Должно быть, при жизни я его очень сильно ненавидел — из тех людей, от одного взгляда на которых хочется вымыть глаза... Но я ничего не помнил. Единственной мыслью в моей голове после пробуждения было то, что я должен найти одного человека и сказать ему несколько слов.

Каких слов... я тоже забыл. Наверное, при смерти я сильно ударился головой.

Поднявшись, мужчина потянулся, чтобы поцеловать юношу. Тот вскинул руки, словно хотел оттолкнуть его, но на мгновение замер, а затем просто обнял его за талию.

Он не отвечал на поцелуй с той же страстью, даже не закрыл глаза. Его веки были чуть приоткрыты, и он смотрел прямо в мою сторону.

У него был редкий для азиата цвет глаз — глубокий, угольно-черный. В свете дня они казались прозрачными, но в них не было ни жизни, ни искры. Пустой, холодный взгляд, напоминающий стеклянные бусины.

Когда на тебя смотрят такие глаза, становится не по себе. У меня по спине пробежал холодок.

Но... пугал меня вовсе не взгляд юноши. Мне казалось, что всё происходящее здесь — в корне неправильно. Самая счастливая сцена в мире, от которой у меня внутри всё леденело.

Не успел я обдумать это, как юноша резко оттолкнул мужчину и, отвернувшись, зашелся в приступе рвоты. Его тошнило так сильно, что в конце на губах показались прожилки крови.

...Что ж, финал помолвки оказался далеко не идеальным. Не знаю почему, но я испытал злорадство.

...

В итоге юношу увели отдыхать под руки. Я невольно последовал за ними. Точнее, меня притянуло.

Я обнаружил, что не могу отойти от него дальше чем на три метра. Это был предел: стоило пересечь невидимую черту, и меня с силой отбрасывало назад.

После одиннадцатой попытки вырваться на свободу я услышал его тихий вздох:

— Перестань. От твоих метаний у меня кружится голова.

Я замер и в замешательстве отлетел в сторону, не веря своим ушам:

— Ты меня видишь?

Он полулежал на кровати, прикрыв глаза:

— Вижу.

— И ты меня не боишься? — я склонил голову набок. — Обычные люди реагируют на призраков иначе.

— Чего бояться мертвых, — ответил он. — К тому же, я не из «обычных» людей.

Его тон был настолько ровным, что я не мог понять, шутит он или говорит серьезно.

— А как тебя зовут? — я осторожно подлетел поближе и, пользуясь тем, что он не открывает глаз, принялся бесцеремонно рассматривать его лицо.

Кожа бледная... пугающе бледная. Длинные ресницы, красивая форма глаз. Сам он казался таким хрупким и худым, что одежда на нем едва держалась.

Его бледные губы шевельнулись, выдыхая два слова:

— Янь Чао.

В этот момент он открыл глаза, и я вздрогнул. Хотя я не делал ничего предосудительного, меня внезапно охватило чувство вины.

— Здравствуйте, господин Янь... — пробормотал я. — Меня зовут Сун Бай Сюй. «Бай» как белый, «Сюй» как в слове «живой».

Произнеся это, я сам осекся. В груди шевельнулось странное чувство... словно эти слова годами давили мне на сердце, и наконец-то я смог их произнести.

Он поднял голову. В его глазах мелькнуло подобие эмоции — словно круги на воде от упавшего камешка, которые тут же разгладились, возвращая озеру прежнее спокойствие.

Только позже я узнал... в тот момент А-Янь просто удивился моей фамилии. У его жениха она была такой же.

...

Так я и остался рядом с А-Янем. Вернее, меня вынудили остаться — уйти я всё равно не мог, мы теперь были связаны намертво.

Но я не был против. Напротив, рядом с ним мне было спокойно и уютно. И... очень радостно. Даже если я просто молча сидел рядом, наблюдая, как он погружается в свои мысли, я был счастлив.

Я не понимал, откуда берутся эти чувства. Я предполагал, что в той жизни, которую я забыл, мы с Янь Чао были знакомы, или он был для меня кем-то очень важным.

Но А-Янь сказал, что нет.

Я лишь кивнул: нет так нет, не важно.

Потом я спросил: «Раз уж мы так долго общаемся, можно мне называть тебя А-Янь?»

Заметив его секундное замешательство, я решил, что он против, и поспешил исправиться: «Если нельзя, ничего страшного... Я буду называть тебя господином Янем».

— Нет, — он покачал головой. — Просто меня так никто никогда не называл.

— Значит, ты согласен?

— Как хочешь.

Я опустил на стул напротив него и с тоской посмотрел на нетронутый обед. Мучительно соображая, как его уговорить, я начал:

— Поешь хоть немного. Нельзя же день за днем ничего не есть. Ты стал еще худее, скоро совсем прозрачным станешь... Я бы и сам сейчас съел что-нибудь, да не могу. Сделай это ради меня, попробуй, а?

Я не знал, как было раньше, но с тех пор, как я очнулся рядом с ним, его аппетит становился всё хуже. Его тошнило от всего. Каждый день он едва мог проглотить немного бульона или жидкой каши, поддерживая жизнь лишь за счет капельниц.

А-Янь отложил книгу и спросил:

— И что бы ты хотел, чтобы я съел?

Я указал на еще теплый рыбный суп:

— Может, вот это?

Он налил себе пол-чашки бульона. Но стоило ему поднести ложку к губам, как дверь распахнулась. Вошел Сун Янь. Увидев, что Янь Чао собирается поесть, он просиял.

Быстро подойдя, он ласково коснулся плеча А-Яня:

— А-Чао, неужели у тебя наконец появился аппетит?

В ту же секунду А-Янь оттолкнул его руку. Фарфоровая ложка со звоном упала в чашку, и А-Янь, прикрыв рот рукой, согнулся в приступе тошноты.

Сун Янь замер и невольно отступил на шаг. Его взгляд потемнел, а голос стал резким:

— Ты до сих пор так сильно брезгуешь моими прикосновениями?

Видя А-Яня, бледного как полотно, с выступившими на глазах слезами, я почувствовал невыносимую боль в сердце. И не удержался от того, чтобы не закатить глаза на Сун Яня.

Идиот. А-Яня сейчас выворачивает от любого прикосновения, а на тебя у него особенно острая реакция. Неужели ты сам этого не понимаешь?

— А-Чао, что с тобой происходит?

— До помолвки всё было нормально. Почему ты вдруг стал так меня отталкивать?

— А-Чао, отвечай мне.

Он рывком развернул А-Яня к себе и, больно схватив за подбородок, заставил смотреть в глаза.

— Не забывай, кто приполз ко мне и умолял позволить быть моей собакой? Ты никому не нужен, некому о тебе позаботиться. Это я дал тебе дом, я содержу тебя. Перед кем ты сейчас строишь эту мину?

Он сжимал пальцы так сильно, что на челюсти А-Яня тут же расплылось красное пятно. Но А-Янь даже не поморщился. Он лишь безучастно позволял удерживать себя, глядя на него холодным, спокойным взглядом.

Когда от силы хватки А-Яню стало трудно дышать, Сун Янь почти с ненавистью выкрикнул его имя. А-Янь наконец заговорил:

— И что же ты хочешь услышать?

Сун Янь отпустил его и вдруг, словно в припадке, рванул ворот своей рубашки, обнажая шею, покрытую засосами. Потеряв привычную невозмутимость, он сорвался на крик:

— Прошлую ночь я провел с Шао Линем! Неужели тебе всё равно? Раньше ты ходил с ума от ревности, стоило мне взглянуть на другого! Почему сейчас тебе плевать? Почему?!

А-Янь всё так же безмолвно и холодно смотрел на него. Он снял с пальца кольцо с бриллиантом:

— Если Шао Линю оно нужно, можешь отдать ему.

Сун Янь вздрогнул. Судорожным, неловким движением он схватил руку А-Яня и силой натянул кольцо обратно на палец.

— Кто позволил тебе его снимать?! Даже не думай об этом! Ты будешь носить его вечно. Ты принадлежишь мне!

В спешке он не заметил, как острый край камня глубоко оцарапал палец А-Яня, оставив длинный кровавый след.

Сун Янь глубоко вздохнул, подавляя гнев, и велел слугам вызвать врача. В итоге он просто выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

...

Когда врач ушел, А-Янь тихо сказал мне:

— Прости. Я не смог выполнить твою просьбу, у меня совсем нет аппетита.

— Тебе не за что извиняться передо мной! — у призраков нет слезных желез, но если бы они были, я бы, наверное, уже разрыдался.

Никогда прежде я так не ненавидел собственное косноязычие. Я мучительно подбираю слова, пытаюсь его утешить:

— Ты никому ничего не должен. Ты ни в чем не виноват... Тебе нужно заботиться о себе. Я просил тебя выпить суп только для того, чтобы ты хоть что-то съел. Это я тебя обманул, это я должен просить прощения.

В конце концов я бессильно вздохнул и присел рядом с ним. Я осторожно, едва касаясь медицинского бинта, провел рукой по его раненому пальцу. Конечно, я не чувствовал плоти.

Я спросил:

— А-Янь, тебе больно?

Когда тебя разбивают вдребезги, а потом заново собирают из осколков и костей — тебе было больно?

Каково это — быть запертым в этом мире, день за днем видя того, кто тебе омерзителен? Тебе плохо?

Ты должен чувствовать боль. Должен сказать, что тебе плохо. Но почему ты никак не реагируешь? Неужели... жизнь стала для тебя слишком мучительной?

Мои слова заставили А-Яня поднять голову. Он долго и молча смотрел на меня, а затем его губы дрогнули в едва заметной, призрачной улыбке.

Это был первый раз, когда я увидел его искреннюю улыбку. Первый раз, когда я почувствовал в нем искру жизни. Пусть она была мимолетной и почти неосязаемой.

Он сказал:

— Кажется, мне действительно немного больно.

В его глазах застыл холодный туман, скрывающий истинные чувства. Голос А-Яня стал еще тише:

— Давно никто не задавал мне этого вопроса.

Я хотел взять его за руку, но побоялся, что это снова вызовет у него тошноту. Я лишь призрачно обрисовал кончики его пальцев:

— Тогда в будущем можешь говорить об этом мне.

— Если тебе станет плохо или что-то заболит — просто скажи.

Я посмотрел ему в глаза и серьезно добавил:

— Нужно говорить. Всегда найдется тот, кому ты дорог.

Способность чувствовать и воспринимать мир — это одна из связей человека с реальностью. Но у А-Яня этих связей почти не осталось.

Часто мне казалось, что он — плененная бабочка, а это болезненное тело — лишь стеклянный колпак. Он смотрел сквозь стекло на всё происходящее снаружи с полным безразличием. Кислород под колпаком заканчивался, и бабочка медленно умирала.

Я не хотел, чтобы А-Янь умирал. Я хотел, чтобы он жил — жил по-настоящему. Я изо всех сил старался восстановить его связь с миром, чтобы эта бабочка задержалась среди людей подольше.

А-Янь ответил: «Я постараюсь».

Но на третий день после этих слов А-Янь покончил с собой.

<http://bllate.org/book/16124/1590921>